

ИСТОРИЯ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ИДЕАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ У ЧИЛИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ И СОЦИАЛИСТОВ В XIX ВЕКЕ

А.А. Щелчков

С момента провозглашения независимости испаноамериканских республик, и Чили в частности, США представляли в глазах либералов и радикалов идеальной государственной системой, способной обеспечить реализацию народного суверенитета, основных прав и свобод граждан, их благосостояние. Политические и идеологические дискуссии между либералами и консерваторами часто обращались к опыту США: одни как к примеру, другие как к нежелательному пути развития для стран Латинской Америки. Эта тема неизменно присутствовала в политической борьбе латиноамериканских стран. Самыми острыми вопросами был выбор между федерализмом и унитаризмом, католическим традиционализмом и отделением церкви от государства, консервации старых колониальных социально-экономических структур и полной свободы экономической жизни и справедливого распределения земли. В Чили США были недостижимым идеалом для идеологов либерализма.

Ключевые слова: либерализм, американизм, доктрина Монро, Чили, США, Ластаррия, Викаунья Маккенна

Since the proclamation of independence of the Hispanoamerican republics, and Chile in particular, the United States appeared in the eyes of the liberals and radicals as a ideal state system. Political and ideological debate between liberals and conservatives often turned to the experience of the United States alone, as a example of the undesirable ways of the development for Latin America. This theme was always present in the political struggle of Latin American countries. The most controversial issues was the choice between federalism and unitarianism, Catholic traditionalism and the separation of Church from the State, the preservation of the old colonial socio-economic structures and the freedom for economic life. In Chile, the United States was an unattainable ideal for the ideologues of liberalism.

Key words: liberalism, Americanism, Monroe Doctrine, Chile, USA, Lastarria, Vicuña Mackenna

Американская революция и США в течение XIX в. являлись путеводной звездой для многих латиноамериканских либералов. Как отмечал один из столпов аргентинского классического либерализма Б. Митре, книга А. де Токвиля «Американская демократия» многие годы была настольной книгой латиноамериканских либералов, а ее содержание служило основой программных построений латиноамериканского либерализма¹.

Чилийский либерализм, взращенный на идеях французского Просвещения, идеях утилитаризма, хотя и декларировал свою приверженность Руссо и Монтескье, в собственных идейных построениях руководствовался рационализмом американских мыслителей Пейна и Джефферсона. Эту тенденцию классического либерализма в Америке и в Европе, растворившего идеи Руссо в более ортодоксальном рационализме североамериканских мыслителей, отмечал Э. Хобсбаум². Этот тезис в полной мере относится к чилийскому либерализму XIX в. Свобода, рассматриваемая как метафизическое понятие, была критерием, привлекавшим к североамериканскому опыту либералов и радикалов во всем мире³.

С момента провозглашения независимости Чили США установили отношения с новой республикой. Американские дипломаты в Чили входили в политическую и интеллектуальную элиту страны, принимали участие в дискуссиях о политическом устройстве, занимали отнюдь не нейтральную позицию во внутривнутриполитической борьбе вокруг вопросов конституционализма, федерализма, религиозной терпимости. Чилийские либералы представляли собой специфическую группу, тип которой Э. Дюркгейм называл «интеллектуальным и моральным сообществом»⁴, объединенную общими воззрениями, историей и политической практикой, отделявшую ее от всех прочих партий и объединений. Конечно же, такие сообщества являлись в большей части

¹ Liberalismo y poder. Latinoamérica en el siglo XIX // I. Jaksic, E. Posada Carbó editores. Santiago de Chile, 2011. P. 32.

² Хобсбаум Э. Век революции. 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 339.

³ Этот взгляд на Америку характерен не только для радикалов XIX в., но в XX в. самые неожиданные политические мыслители, как, например, Х. Арндт, выделяли именно свободу в ее метафизическом понимании как характеристику американской системы. См.: Арндт Х. О революции. М., 2011.

⁴ Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. L., 1915. P. 44.

«воображаемыми», по мнению Б. Андерсена, формируемыми в эпоху модерности на основе печатного слова, идей и концепций⁵. Это воображаемое сообщество было «чилийской либеральной нацией», частью сначала общей испаноамериканской либеральной, республиканской нации, а затем и общеамериканской, противостоящей не только старой, традиционной Чили, но и старой монархической Европе, враждебной прогрессу и национальным интересам.

Чилийский либерализм строил свою политическую идентичность на противостоянии консерватизму и традиционализму, воспевавшим испанские и католические традиции. Им либерализм противопоставлял интернациональные, выходящие за узкие рамки конфессиональных или национальных политических воззрений, обращаясь к опыту и успеху США, призывая в союзники североамериканских политиков и мыслителей. В обществе всегда идет борьба между символическим и властями, стремящихся внедрить свое видение легитимных делений, конструкций и деконструкций истории и идентичности, так как символическая власть — это власть конструирования мира⁶. В этой борьбе чилийских либералов за гегемонию или «символическую власть» их важнейшим союзником был образ США как либеральной империи.

В первые годы независимости Чили местный либерализм нашел поддержку у своих американских единомышленников. В 1825 г. посланник США в Чили С. Ларнед вступил в жаркую полемику с лидером чилийских консерваторов Х. Эганьей о федерализме и свободе культов. В ходе этой дискуссии Эганья доказывал, что федерализм в США был умеренным и не нес в себе таких угроз, как чилийский. Американского посланника поддержали чилийские либералы и крайние федералисты во главе с Х.М. Инфанте⁷. В этой полемике на стороне Ларнеда главным аргументом был очевидный прогресс США по сравнению с испаноамериканскими республиками, что отчасти обеспечило сторонникам федерализма большинство в учредительной ассамблее, и Чили в 1826 г. превратилась в федерацию восьми провинций. Ларнед вопреки протестам ставших националистами консерваторов во главе с Эганьей, несмотря на свой дипломатический статус, принял участие в выработке текста конституции Чили⁸.

Активность и влияние американских посланников в среде либералов имели своим последствием то, что один из первых международных договоров этой южноамериканской республики был заключен

⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 99.

⁶ Бурдье П. Социология социального пространства. М., 2007. С. 83.

⁷ Donoso R. Las ideas políticas en Chile. México, 1946. P. 73–74.

⁸ Ibid. P. 94.

16 мая 1932 г. с США. В нем гражданам США на территории Чили гарантировалась полная свобода совести, в то время как консервативная конституция 1933 г. признавала в Чили только одну — католическую религию. Также это соглашение урегулировало старый вопрос о кладбищах, являвшийся долгое время неразрешимым противоречием между консерваторами и либералами. Американские граждане получали право на собственные (некатолические) кладбища, что было большой уступкой, ставшей реальностью во многом благодаря влиянию посланников США⁹.

Умеренные либералы, которых порой называют консерваторами, разделяли принципы либерализма о частной собственности, свободе торговли, гражданском равенстве и свободах. Идеолог умеренного либерализма А. Бельо в своих идейных построениях не касался экономической или политической системы США, но опирался на североамериканский опыт и на работы Т. Джефферсона о необходимости развития общественных университетов как противоположный вариант конфессиональным и частным высшим учебным заведениям. В этом Бельо видел залог успеха дела республики и свободы, которая наиболее ярко была представлена для него в англо-саксонском мире Северной Америки¹⁰.

Основатель чилийского политического и идеологического либерализма Х.В. Ластаррия (1817–1888), как его сподвижники слева и справа, до поражения революции 1848 г. в Европе и установления Второй империи видели во Франции идеальную политическую модель для подражания. После ликвидации второй республики и интронизации Луи Наполеона чилийские либералы, Ластаррия обращаются к опыту США. Теперь Ластаррия объявлял, что США являются единственным идеалом типа правления. В ответ на это многие его сподвижники, в частности М.Л. Амунатеги отмечали, что новое абсолютное увлечение Ластаррии американской моделью вступает в противоречие с главным пороком этой страны, сохранением рабства негров¹¹.

В своем 500-страничном эссе «Америка» (1865) Ластаррия проводил главный тезис — фундаментальное политическое противостояние Европы и Америки, как Южной, так и Северной. Обе Америки в этом противостоянии объединяли приверженность республиканизму и либеральные идеи. Он отвергал культурную или расовую близость к Европе, отдавая предпочтение объединяющим обе Америки идеи и принципы. Причем Ластаррия исключал из этого «духовного союза» Бразилию, ибо

⁹ *Donoso R.* Las ideas políticas en Chile. P. 200.

¹⁰ *Cristi R., Ruiz-Tagle P.* El Constitucionalismo del miedo. Santiago de Chile, 2014. P. 119.

¹¹ *Subercaseaux B.* Historia de las ideas de la cultura en Chile. Tomo I. Sociedad y cultural liberal en el siglo XIX: J.V. Lastarria. Santiago de Chile, 1997. P. 182–183.

там по-прежнему царил «старый режим» и монархия, отвергнутые в США и Испанской Америкой.

Ластаррия жестко критиковал колониальное прошлое, его взгляды отличались радикальным антииспанизмом. Он был сторонником «черной легенды» завоевания Америки. Ластаррия утверждал, что Испания принесла с собой лишь корысть и лень, навязала религиозный фанатизм, который стал опорой рабства и деспотизма. Испанской конкисте он противопоставлял англо-саксонское освоение Северной Америки. В 1851 г., находясь в изгнании в Лиме, Ластаррия написал книгу «Конституционная история середины века», в которой вновь нападал на испанскую монархию, противопоставляя колониальные традиции Испанской Америки демократическому, республиканскому духу США. Сармьенто похвалил эту книгу, утверждая, что, как ничто, эти работы служат укреплению либерального духа в Чили¹². Один из видных либералов, ученик Ластаррии, М.Л. Амунатеги (1828–1888) в работе «Открытие и конкиста Чили» (1862), ставшей антиклерикальным манифестом, осуждал испанскую конкисту и католическую евангелизацию Америки, во всем ставил в пример опыт США и англо-саксов¹³.

Причина успеха США, согласно Ластаррии, состояла в свободе совести и в муниципальной организации государства¹⁴. Утверждая противоположность интересов Америки и Европы, он ратовал за союз Южной Америки и США. Ластаррия считал, что Европа представляла собой монархическую и абсолютистскую традицию, в то время как США дали миру пример республиканской демократии, свободы мысли и совести. Ластаррия вслед за Сармьенто противопоставлял варварство и цивилизацию, но в перевернутом виде. Европа для него, в отличие от Сармьенто, представляла собой полюс варварства, место сохранения «старого режима» — там упадок и языческая традиция, монархия, деспотизм и идущие им на смену социализм и коммунизм, несущие тиранию толпы. Америка же — это расцвет республики и евангелического христианства, рационализма, суверенитета народа и свободы личности¹⁵. Американизм Ластаррии нашел отражение в деятельности созданного им «Общества Американского Союза», который он возглавил совместно с Б. Викуньей Маккенной. Они приступили к изданию коллекции документов, относящихся к теме американского единства начиная с Панамского конгресса.

¹² Correspondencia entre Sarmiento y Lastarria. 1844–1888. Buenos Aires, 1954. P. 36.

¹³ *Donoso R.* Op. cit. P. 211.

¹⁴ Lastarria. Prólogo y selección de Luis Enrique Délano / Ed. Secretaria de Educación Pública. México, 1944. P. 174.

¹⁵ *Subercaseaux B.* Op. cit. P. 188–189.

США, по мнению Ластаррии, давали пример минимального государства и максимальной свободы гражданина, а в политической сфере представляли собой идеальное государственное устройство — федерацию¹⁶. Ластаррия ссылаясь на А. де Токвиля в своих выводах, работу которого он считал лучшим, что было написано о демократии и о США¹⁷. К федерации Ластаррия прибавлял независимый муниципалитет как основу права и свободы, примером чему для Чили служили Соединенные Штаты¹⁸.

Главный вклад США, по мнению Ластаррии, состоял в создании государственного устройства при решающей роли муниципальной власти. Он писал:

«Муниципалитет — это главный элемент общественных институтов, как и человек есть основа муниципалитета, так как это группа людей и семей, сформировавших в соответствии с общим интересом государственную систему, укреплявших собственность, соседство и кооперацию... Муниципалитет — это единственная форма солидарного объединения, которая когда-либо существовала в природе»¹⁹.

Ластаррия мечтал превратить Чили в федерацию муниципалитетов, ибо только они отвечали естественному порядку вещей и общему интересу граждан.

В 1865 г. Ластаррия и другие либералы инициировали дискуссию о свободе совести, ограничении власти церкви. К либералам присоединилась небольшая группа идеологически близких им радикалов. Один из видных радикалов, депутат Конгресса Х. Эспехо, выступая в парламенте, как пример для подражания привел законы США, обеспечивавшие полную свободу вероисповедания, где церковь была отделена от государства, что, по мнению депутата, являлось залогом прогресса и процветания этой северной нации. Он сравнивал процветание США, где церковь была отделена от государства, с соседней Мексикой, защищавшей привилегии Католической церкви и страдавшей от хаоса и деградации. После его выступления вся дискуссия в Конгрессе протекала вокруг преимуществ и недостатков США в сфере религиозной терпимости²⁰.

Ластаррия был знаком с североамериканскими реалиями исключительно посредством европейской политической литературы. Он в своих

¹⁶ Subercaseaux B. Op. cit. P. 186–187.

¹⁷ Lastarria J.V. La América. Ganta (Gent), 1867. P. 33.

¹⁸ Lastarria. Prólogo y selección de Luis Enrique Délano. P. 173–177.

¹⁹ Ibid. P. 173.

²⁰ Donoso R. Op. cit. P. 209.

выводах опирался, прежде всего, на А. де Токвиля. Также он цитировал французские работы, в частности, Ж.Г. Курселя-Сенеля и «Политическую историю Соединенных Штатов» Э.Р. Лефевра Лабуле. Последний автор был особенно близок Ластаррии, в том числе и в критике Токвиля, который не смог преодолеть аристократический подход к демократии и истории, не смог понять, что сила США в свободе и равенстве индивида, который является источником права, богатства, силы общества, что противостояло Европе с ее сильным государством, подавляющим личность, гражданина. При этом он защищал А. де Токвиля за то, что тот был первым в Европе, кто показал, что свобода и равенство два разных понятия²¹. Ластаррия же считал, что свобода приоритетна, ибо равенство может существовать даже в самых абсолютистских системах.

Европейские социалисты-утописты середины XIX в. показали свое равнодушие к свободе, к готовности сотрудничать с монархиями (как В. Консидеран в отношении Июльской монархии). Ластаррия считал, что без свободы невозможно равенство и подлинное развитие личности и общества. Поэтому США показывали пример, дававший Чили и другим странам образец законов и конституции, которые, по убеждению Ластаррии, были способны со временем преобразовать даже отсталое общество, как, например, чилийское, в направлении максимальной свободы и индивидуального равенства. Ластаррия повторял тезис Курселя-Сенеля о том, что устройство США является моделью для всех стран Америки²².

Для Ластаррии Америка — продолжатель христианской традиции и рационализма, подавляемых в Европе деспотизмом либо со стороны монархий, либо со стороны варварских народных масс в лице коммунизма и социализма. США же давали блестящий пример защиты суверенитета личности и ее свободы перед лицом наступления деспотических государства и низов²³.

Во время испаноамериканской революции ее лидеры, писал Ластаррия, с сожалением смотрели на свои собственные народы, понимая, что они очень далеки от Спарты и Афин и не менее далеки от англосаксонских традиций, искали особенную модель государственности, которая опиралась бы на абсолютистские и монархические настроения народа. В этом состояла их самая большая ошибка, ибо вела к деморализации народа и его властителей, к морально-политическому кризису, контрастирующему со здоровой и сильной системой в США²⁴.

²¹ *Lastarria J.V.* Op. cit. P. 83–84.

²² *Ibid.* P. 122.

²³ *Ibid.* P. 114.

²⁴ *Ibid.* P. 50–51.

В сфере политической практики Ластаррия предлагал позитивную модель государства, так называемую «semestacia», т.е. самоуправляемую демократию по примеру США плюс широкую автономию провинций и муниципалитетов²⁵. Цель чилийского либерализма, по мнению Ластаррии, состояла в создании общественной системы, «семекратии» или по-английски «self-government», т.е. самоуправления, основанного на ответственном перед избирателями, федеративном, альтернативном и прямом правлении народа. Этот идеал, согласно Ластаррии, для Чили все еще являлся предметом будущего, но уже стал реальностью в США²⁶. Муниципальные и гражданские свободы гарантированы и в Англии, но там монархическое унитарное государство, которое принадлежит прошлому цивилизации. Поэтому только в США «семекратическое» политическое устройство, писал Ластаррия, обеспечивало свободное развитие общественных сил²⁷. Ограничение государства почти во всех сферах жизни, что некоторые в отношении США даже называют анархией, на самом деле единственная верная либеральная позиция, — утверждал Ластаррия²⁸.

Свободное объединение (ассоциация) граждан лежало в основе такого строя: «Ассоциация обеспечивает все стороны жизни: религию, просвещение, науку, культуру, искусство, общественные службы, дела благотворительности, сберегательные кассы, банки, страхование, железные дороги, промышленность, навигация, — все это живет и процветает благодаря усилиям свободного гражданина». Вот формула жизни в США, но не в погрязших в суевериях и привилегиях католических странах Юга Америки²⁹.

Вслед за Ластаррией преклонение либералов перед успехом североамериканской системы выразил социалист М. Пальма:

«Прогресс и мораль создают эту нацию. США, строящиеся на упорном труде, создающие свою промышленность, являют пример поведения, опирающегося на силу, просвещение, привлекают всеобщую симпатию своей свободой, удивляют созданным своими силами богатством, представляют собой общественное совершенство, являют пример и зависть для всего мира, даже для самых передовых и просвещенных стран Европы»³⁰.

²⁵ Subercaseaux B. Op. cit. P. 212.

²⁶ Lastarria. Prólogo y selección de Luis Enrique Délano. P. 118–119.

²⁷ Ibid. P. 121.

²⁸ Lastarria J.V. Op. cit. P. 122.

²⁹ Ibid. P. 66–67.

³⁰ Escritos políticos de Martin Palma / recopilación R. Villalobos, A.M. Stuen. Santiago de Chile, 2009. P. 378.

Основатель «Общества равенства», утопист Франсиско Бильбао (1823–1865), как и другие либералы, противопоставлял историю и настоящее Северной и Южной Америк в качестве антиподов путей развития, в основе чего лежало историческое наследие протестантской Англии, с одной стороны, и католической, феодальной Испании — с другой. Он называл Южную Америку, в противоположность Северной, Разъединенными Штатами Америки³¹.

В своей работе «Закон истории» Бильбао определил три исторические эпохи Испанской Америки: 1. Открытие и конкиста; 2. Война за независимость; 3. Формирование национальных государств³². Задачей историка, по его мнению, являлось не только раскрытие сущностного содержания каждой эпохи, но и поиск путей преодоления темных сторон жизни народа, унаследованных от печальных периодов истории. Объектом пристальной критики и почти полного отрицания была конкиста и испанский колониальный режим. В своих выводах Бильбао опирался на труды Ластаррии, выдержанные в крайне антииспанском духе³³. Бильбао вслед за Ластаррией развивал «черную легенду» испанской конкисты. Он утверждал, что испанцы только убивали и грабили. Что дало испанское завоевание? — вопрошал Бильбао. Ответ был лаконичен: деспотизм, отсталость, коррупцию, нищету и лакейство народа³⁴. Противоположностью испаноамериканским порокам было «здоровое» и прогрессивное общество Северной Америки.

В «Американском евангелии» Бильбао писал, что проблема состояла не в конкисте как таковой, не в завоевании европейцами Южной Америки, а в том, что это была испанская конкиста, которая принесла феодализм, монархию и католицизм, отягощенные фанатизмом масс³⁵. Задача южноамериканских народов — это решительная деиспанизация, что в устах Бильбао означало, прежде всего, ликвидацию пережитков средневековья, феодализма и католицизма³⁶.

В чем же состояли причины столь сильных различий Северной и Южной Америк: климат, раса, политика, религия? И делал вывод: точно ни климат, ни политика. Чили ничем не отличается по климату от Европы или США. Политика тоже вряд ли имела значение: «выборы, муниципалитеты, присяжные — все это у нас есть, но свобода не смогла укрепиться». Остается, пишет Бильбао, только одно, что может определить столь большое различие между Севером и Югом, — религия.

³¹ *Bilbao F. Obras completas. Tomo 1. Buenos Aires, 1865. P. 159.*

³² *Ibid. P. 159.*

³³ *Ibid. T. 2. P. 361–369.*

³⁴ *Ibid. P. 202.*

³⁵ *Ibid. P. 337–338.*

³⁶ *Ibid. T. 1. P. 12.*

«Я не имею в виду протестантскую и католическую секту, на которые разделено христианство. В США сосуществуют все секты и религии, нет государственной религии, но есть единый принцип, объединяющий граждан, — это суверенитет разума»³⁷. Именно торжество разума и есть гарантия свободы.

Бильбао писал:

«Католики или протестанты, подданные конституционных или абсолютных монархий, прибывая в США, получают американское гражданство. Эта индивидуальная и человеческая форма, этот высший идеал, который предоставляет этот народ, в своей базе опирается на христианское слово, которое как соль земли оживляет все проявления божественного создания»³⁸.

Вся история США, по словам Бильбао, была направлена на развитие свободы. Будучи непримиримым противником католицизма, Бильбао искал в религиозной терпимости и рационализме протестантизма причины успеха североамериканских республик по сравнению с их южными соседями, наследниками католической испанской культуры, которую он считал языческой по сути.

Главным врагом прогресса и свободы для Бильбао была Католическая церковь. Он постоянно цитировал основателя христианского социализма Р.Ф. Ламенне: «Свобода и католичество несовместимы»³⁹. В «Чилийских нравах» Бильбао описывал генезис Католической церкви: языческий мир Рима пал под ударами варваров, среди которых и расцвел католицизм. Следовательно, Католическая церковь — это порождение варварства. Церковь, писал Бильбао, требует покориться, ибо все от Бога, а значит, католичество — это идеология рабства. «Нет сомнения, — продолжал автор, — что христианство было наивысшим достижением в сфере религии, во имя освобождения человека и человечества, однако католицизм представляет собой реакцию, он привнес символизм и пустые, жесткие формулы, вызвал к жизни явления, чуждые первоначальной чистоте учения Иисуса»⁴⁰. Для Бильбао церковь являлась врагом всего доброго и прогрессивного: «Католицизм — это террор, идолопоклонство, торжество павшего над духом свободы». Только протестантизм и Французская революция спасли человечество от гибели⁴¹. Единствен-

³⁷ *Bilbao F. Obras completas. Tomo 1. P. 160.*

³⁸ *Ibid. P. 74–75.*

³⁹ *Ibid. T. 2. P. 198.*

⁴⁰ *Ibid. T. 1. P. 10.*

⁴¹ *Ibid. P. 110.*

ный способ избавиться от «мертвящей» силы Католической церкви, согласно Бильбао, это просвещение и политические реформы, главная из которых отделение церкви от государства, как это сделали североамериканцы⁴².

Новое христианство Бильбао близко протестантизму. Бильбао являлся поклонником Р.У. Эмерсона, увлекался его идеями пантеизма. Он провозглашал вслед за Эмерсоном необходимость построить церковь Свободомыслия и «общество братьев»⁴³. Оплотом протестантизма и республиканизма, противодействующих старой феодально-монархической Европе, для Бильбао, как и для Ластаррии, были США. Европа оставалась унитарной, США — федеральным целым, что, по его мнению, ограничивало деспотизм и гарантировало свободу и равновесие властей⁴⁴. Соединенные Штаты были альтернативой Риму и всему Старому Свету. Если в годы подъема революций в Европе Бильбао вслед за Ламенне считал, что латинским нациям предстояла миссия освобождения мира, а Южная Америка должна была стать альтернативой милосердного братства и солидарности перед лицом северной холодной англосаксонской расы, то после бонапартистской реакции он полностью разочаровался в Европе и возлагал все свои надежды на США. В своей большой работе «Америка в опасности» Бильбао писал: «В старой Европе народы, силы которых подорваны индустриализмом, парализованы индифферентностью, народы, уставшие от торжества зла, повернулись спиной к высшему идеалу, любви, долгу, справедливости, думая лишь о золоте. Вот идеал старой Европы». Для Бильбао Америка стала бастионом республиканизма и рационализма⁴⁵. Причина этого состояла в преобладании протестантизма, который для Бильбао «содержал в себе, хотя и скрыто, принцип бессмертного суверенитета разума»⁴⁶.

Бильбао, как и все радикальные либералы, провозглашал отделение церкви от государства, что не принимали даже многие умеренные либералы, остававшиеся верными сынами Католической церкви. Если Бильбао постоянно настаивал на отделении церкви от государства, Ластаррия, не оспаривая этого тезиса, все же, обращаясь к опыту США, утверждал, что важнее и первичнее добиться «отделения индивидуальной свободы от государства», что необходима политическая реформа, способная освободить людей от опеки и ярма государства. Только тогда будут созданы основы безболезненных религиозных реформ⁴⁷.

⁴² Ibid. Т. 1. P. 111; Т. 2, P. 427.

⁴³ Ibid. Т. 1. P. 280–281.

⁴⁴ Ibid. Т. 2. P. 387.

⁴⁵ Ibid. P. 175–186.

⁴⁶ Ibid. Т. 1. P. 115.

⁴⁷ Lastarria. Prólogo y selección de Luis Enrique Délano. P. 124–125.

Республика, по мнению радикальных либералов, сама по себе не является гарантией свободы и процветания. Лишь федеративная форма ее организации и муниципализация есть залог прогресса и свободы, как то показывали США⁴⁸.

США поражали своим экономическим ростом. Бильбао называл их новым колоссом, который свяжет Европу, Китай и Японию в единое целое. Однако признание заслуг США в деле свободы не отменяло критики в эгоизме, особенно за отношение североамериканцев к рабству и к страданиям других народов, изнывающих от тирании и религиозных предрассудков. Бильбао писал: «Северная Америка не понимает, что англо-саксонская свобода — это индивидуальная свобода, но при этом не думает о свободе как целостном понятии, как о правах всякого человека без различия рас, забывает о свободе как справедливости и любви»⁴⁹.

Для многих поколений латиноамериканских либералов США являлись идеалом, образцом общественной организации. Как отмечал выдающийся мыслитель П. Энрикес Уренья, «США были первой утопией, осуществленной на земле, и так думали все люди доброй воли»⁵⁰. Соединенные Штаты давали пример для всего мира, олицетворяли надежду на возрождение Европы. Бильбао писал:

«Свобода мысли, self-government, моральная крепость и открытая эмигрантам земля были причинами их величия и славы. Они давали защиту всем нуждающимся и бегущим от нищеты, от феодального и теократического рабства в Европе, они были местом осуществления утопии, храмом для всех свободных людей и душ»⁵¹.

Самоуправление (self-government) являлось для него принципиальным положением любой прогрессивной программы. Позднее, в работе «Американское Евангелие» он даже придумал этому особый термин «номократия»⁵². «Божественная свобода — это справедливость, а человеческая свобода — это самоуправление», — писал он⁵³.

Идейные соратники Бильбао С. Аркос и М. Пальма также с восхищением взирали на американскую политическую и социальную систему. Аркос⁵⁴ утверждал, что США является безусловным образцом

⁴⁸ *Bilbao F.* Op. cit. T. 1. P. 175.

⁴⁹ *Ibid.* P. 174–175.

⁵⁰ *Henríquez Ureña P.* La utopía de América. Caracas, 1989. P. 10.

⁵¹ *Bilbao F.* Op. cit. T. 1. P. 292.

⁵² *Ibid.* T. 2. P. 322.

⁵³ *Ibid.* T. 1. P. 85.

⁵⁴ Эти идеи С. Аркос высказывал, когда уже был вынужден покинуть Чили, и активно участвовал в политической борьбе во время первой республики в Испании.

для подражания, но оставался пессимистом в возможности донести эту идею до большинства избирателей, не разбирающихся в тонкостях политической науки. Он предлагал взять из американского опыта самое существенное, что может мобилизовать народ, — перераспределение власти в пользу муниципалитетов, где и будет реализовываться подлинное народовластие⁵⁵.

В чем же секрет успеха США во всех общественных и экономических сферах жизни, вопрошал М. Пальма. И отвечал, что секрет в свободе. «Ибо в США свобода с рождения сопровождает человека, от его детства и юности, от его образования и воспитания до возмужания и старости. Ибо свобода дала достоинство людям, а достоинство — это власть, символ мудрости, она подталкивает человека к творчеству и великим свершениям. Этот тип демократии, которая победила в США, дает миру пример и практический урок блестящих результатов. США говорят другим народам: Хотите мира в ваших странах, тогда дайте свободу своим народам»⁵⁶.

Сподвижник Бильбао по «Обществу Равенства», сторонник радикальных аграрных преобразований в Чили С. Аркос более прозаически смотрел на причины успеха США. Они состояли, в первую очередь, в свободе доступа к земле на западе США. «Масса собственников земли помимо создания огромного национального богатства являются основой развития промышленности, так как они массовый и главный потребитель ее продукции», — писал С. Аркос⁵⁷. Отсутствие латифундий и крупной земельной собственности привело к революции в промышленности и торговле США, сделало из них самую передовую страну мира. Именно это и было образцом для его проекта социальных реформ в Чили.

Левые либералы, особенно эволюционировавший к утопическому социализму Бильбао, также видели такие недостатки в американской системе, как индивидуализм и эгоистический материализм. Этот недостаток следовало преодолеть в южной части континента, где будет по их мечте воздвигнуто новое и справедливое здание свободы и братства⁵⁸. США же, по идее и предсказанию Бильбао, создадут либеральную глобальную империю, где, как они мечтали, будет царить индивидуализм. Они уже начали поглощать соседние земли — Техас, Калифорнию, север Мексики, а теперь под угрозой уже находится Панама⁵⁹. США стали угрожать Латинской Америке, вместо того чтобы

⁵⁵ Arcos S. Carta a Francisco Bilbao y otros escritos. Santiago de Chile, 1989. P. 168.

⁵⁶ Escritos políticos de Martin Palma. P. 155.

⁵⁷ Arcos S. Op. cit. P. 114.

⁵⁸ Bilbao F. Op. cit. T. 1. P. 286.

⁵⁹ Ibid. P. 289–290.

«стать нашей путеводной звездой, нашим образцом для подражания, нашей силой, с каждым днем становятся угрозой независимости», — писал Бильбао⁶⁰. В прошлом остался героический этап американской республики, теперь царит эгоизм и индивидуализм.

Другие радикалы, такие как М. Пальма, усматривали в политике экспансии США в отношении испано-американских республик господство эгоизма и самоуверенность в своем превосходстве над другими людьми, отчего, прежде всего, страдают более слабые соседи⁶¹. Для Бильбао триумф индивидуализма, т.е. капитализма свободной конкуренции, сравним по порочности и опасности с феодализмом и клерикализмом старой Испании. Отстоять свою независимость от новой опасности возможно лишь на пути единения, новой конфедерации республик Юга, но это единение будет иметь смысл только после того, как латиноамериканские народы освободятся от наследия иезуитов и клерикалов, феодалов и ретроградов, т.е. от наследия старой Испании⁶².

Отношение к Северной Америке приобретает экзистенциальное значение для всех политических сил, и прежде всего либералов, в период 1860–1867 гг. Это было время многочисленных попыток европейских государств военной силой завоевать латиноамериканские республики: в 1862 г. Испания оккупирует Доминиканскую Республику, в 1863 г. Франция попыталась установить свой протекторат в Эквадоре, а затем проводит интервенцию в Мексику, навязывая ей монархию Максимилиана Габсбурга. Если мексиканские консерваторы встали на сторону интервентов, а консерваторы в других странах континента, и в Чили в частности, симпатизировали Второй империи, либералы заняли патристическую и «американистскую» позицию, возлагая свои надежды на поддержку США, формально сохранявших нейтралитет в этом конфликте. Соединенные Штаты оказались в центре геополитического интереса чилийского либерализма в период Первой Тихоокеанской войны 1864–1866 гг. между Испанией и коалицией стран континента во главе с Чили и Перу. Чилийские либералы искренне рассчитывали на помощь США. С этой целью в Соединенных Штатах с тайной миссией отправился видный лидер чилийского либерализма Б. Видуния Маккенна (1831–1886).

Восхищение успехами США и критика эгоизма, материализма, отсутствия культурной традиции отличали взгляды Видунии Маккенны. Его в целом личное негативное отношение к этой стране постоянно вступало в противоречие с признанием силы и прочности республиканских инсти-

⁶⁰ Ibid. P. 293.

⁶¹ Escritos políticos de Martin Palma. P. 67.

⁶² *Bilbao F.* Op. cit. T. 1. P. 291.

тугов, мощи ее экономического развития⁶³. Отчуждение и восхищение в отношении США одновременно присутствовало в работах Викуньи Маккенны, который был убежден, что при всей привлекательности североамериканской модели именно от США исходит главная опасность для самобытности и независимости южноамериканских республик⁶⁴.

В виду войны Испании с Перу и Чили, а также интервенции Франции в Мексике Викунья Маккенна возглавил широкое движение солидарности с Мексикой, а также активно агитировал за независимость Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин. В 1862 г. вместе со своими соратниками по либеральному движению Ластаррией, М.А. Матта, И. Эррасурисом создал «Общество Американского Союза», главной задачей которого была пропаганда латиноамериканского единства в противостоянии с Европой.

Викунья Маккенна, ссылаясь на печальный опыт Мексики и Центральной Америки, агитировал за союз испаноамериканских республик для противостояния северному гиганту. Другие его соратники по либеральному политическому флангу не видели особой угрозы в росте мощи США, но предлагали брать с них пример во внутренней организации общества. Д.Ф. Сармьенто в 1865 г. находился в США с поручениями от чилийского правительства и писал оттуда бывшему чилийскому президенту М. Монту: «Здесь в США никто особо не интересуется Южной Америкой. Здесь нас не знают и проявляют самый минимальный интерес. О Чили знают чуть-чуть, об Аргентине еще меньше». Более того, Сармьенто не видел большой опасности от экспансии против Мексики, которая, по его мнению, рано или поздно благодаря иммигрантам, даже авантюристам-янки последует в своем развитии примеру США⁶⁵.

С началом войны с Испанией правительство отправило Викунью Маккенну в США с секретной миссией с целью склонить Вашингтон к поддержке Чили. Однако миссия не удалась. Более того, Викунья Маккенна развернул бурную общественную деятельность, вызывая протесты Испании, вел себя враждебно, прежде всего, в отношении самих США. Он много писал в прессе, критикуя американскую политику в регионе и доктрину Монро, которую он называл не иначе как «самую фальшивую и претенциозную»⁶⁶. Дело кончилось в 1868 г. его высылкой из США. Американцы обвинили его в подготовке военной экспедиции на Кубу.

⁶³ *Gazmuri C.* Tres hombres, tres obras. Vicuña Mackenna, Barros Arana y Edwards Vives. Santiago de Chile, 2004. P. 16.

⁶⁴ *Subercaseaux B.* Op. cit. Tomo I. P. 185.

⁶⁵ Manuel Mont y Domingo F. Sarmiento. Epistolario 1833–1888. Santiago de Chile, 1999. P. 135.

⁶⁶ *Vicuña Mackenna B.* Diez meses de misión a los Estados Unidos de Norte América como agente confidencial de Chile. Santiago de Chile, 1867. P. 211.

Еще по дороге в США в Лиме Викоунья Маккенна встретился с полковником М.И. Прадо, который вскоре осуществил военный переворот и занял пост президента Перу. В качестве главы государства Прадо договорился с Викоуньей Маккенна создать совместную чилийско-перуанскую армию для освобождения Кубы и Пуэрто-Рико. Этот план должен был стать частью совместных действий обеих стран в войне с Испанией. Однако эта договоренность не была одобрена более здравомыслящими политиками в Сантьяго⁶⁷. Одним словом, вся секретная миссия Викоуньи Маккенны оказалась сплошным недоразумением и фактически провалилась.

После этой миссии Викоунья Маккенна написал объемный труд «Десять месяцев миссии в Соединенных Штатах Северной Америки». Уже в первых строках автор отмечал, что после всего пережитого и всех разочарований он не может иначе как с сарказмом относиться к существующим в Чили иллюзиям в отношении США, которые, увы, несправедливо называли «республикой — ближайшей сестрой»⁶⁸.

Выбор правительством кандидатуры Викоуньи Маккенны для этой тайной миссии был обусловлен тем, что тот уже посещал эту страну, так и тем, что, будучи депутатом Конгресса в 1864–1865 гг., он прославился яркими речами в пользу союза Чили и США, славословиями в адрес американского строя и политики⁶⁹. Разочарование Викоуньи Маккенны в идее американской солидарности и в надеждах на США как на идеальное государство и защитницу республиканских принципов и свободы в Западном полушарии наступило сразу после того, как он обнаружил нежелание Соединенных Штатов вмешиваться в военный конфликт на юге Америки. Более того, США придерживались происпанского нейтралитета. Естественное, казалось бы, следование США своим национальным интересам вызвало столь глубокое разочарование у Викоуньи Маккенны, что США с этого момента превратились в его работах в самое лицемерное и эгоистическое государство мира⁷⁰. Все иллюзии идеального либерального общества были рассеяны, хотя было бы странным, если бы только из побуждений солидарности и либеральных ценностей США кинулись бы в ненужную им военную авантюру в Южном полушарии, где у них были минимальные интересы. Однако у Викоуньи Маккенны остался слишком горький привкус разочарования его же собственных иллюзий, чтобы рационально оценивать ситуацию.

⁶⁷ El museo nacional. Benjamín Vicuña Mackenna. Santiago de Chile, 1946. P. 9.

⁶⁸ *Vicuña Mackenna B.* Op. cit. P. 5.

⁶⁹ Ibid. P. 10.

⁷⁰ Ibid. P. 187–188.

В новых международных обстоятельствах в рядах либералов наметились расхождения в отношении США. Либеральные публицисты создавали многочисленные работы, в которых обращались к «американизму»: одни (Ластаррия) восхваляли США и доктрину Монро, другие (Викунья Маккенна) жестко критиковали американский внешнеполитический эгоизм. Ф. Бильбао издает книги «Америка в опасности» (1862), «Американское евангелие» (1864), Ластаррия пишет очерк «Америка» (1865), Викунья Маккенна — работу «Чили, США и Испания», Хусто Артеага Алемпарте — «Фантастический союз, янки и англичане» (1866), «Современная Испания» (1866)⁷¹.

Бильбао в «Американском евангелии» провозглашал в привычном ему пророческом стиле слияние англо-саксонского гения и испаноамериканской цивилизации в единой целое⁷². Для него война и интервенция императорской Франции в Мексике представляли непосредственную угрозу США и всем южноамериканским республикам, так как ее целью является ликвидация республиканского строя как такового во всем мире⁷³. Он призывал США пересмотреть нейтральную позицию в этой войне и встать на защиту либерализма и республики. Этот призыв был тем более неуместным, если учитывать, что Соединенные Штаты придерживались благоприятного нейтралитета в пользу европейских интервентов.

Новые международные обстоятельства повлияли на позиции Ластаррии, который не был слепым поклонником США. Его призывы следовать их примеру, понимание внутренней силы американского общества не отменяли трезвого взгляда на геополитические опасности, исходившие из неравномерного развития двух регионов Америки — быстрого и мощного подъема новой великой державы на севере и недоразвитости — на юге. Он хотел бы видеть в США бескорыстного друга и покровителя, защитника республиканских, либеральных ценностей, а не эгоистического и расчетливого сильного соседа. Выражая свое восхищение внутренней организацией США, Ластаррия не останавливался перед принципиальной критикой их внешней политики. В 1856 г. он яростно критиковал заключенный чилийско-американский договор, считая его неравноправным и унижающим национальное достоинство Чили⁷⁴. Он ратовал за создание новых международных правил равенства (республиканизма), которыми бы руководствовались американские республики в своей внешней политике.

⁷¹ *Subercaseaux B.* Op. cit. Tomo I. P. 183–184.

⁷² *Bilbao F.* Op. cit. T. 2. P. 419–439.

⁷³ *Ibid.* P. 180–181.

⁷⁴ Lastarria. Prólogo y selección de Luis Enrique Délano. P. XXV.

С развитием политических институтов в Чили и с большей информацией о политических реалиях в США даже самые ярые адепты их опыта, такие как Ластаррия или радикальная партия, критиковали американскую действительность, которая, по их мнению, удалялась от провозглашаемого идеала представительного государства, народного суверенитета и самоуправления. На своем съезде в 1888 г. радикалы с сожалением констатировали, что США эволюционируют к формальной демократии, не отвечающей интересам народа, а представительство (Конгресс) превратился в пустую говорильню, в место сведения счетов и брани. Что ж, «даже в США есть недостатки», — констатировали радикалы⁷⁵. В конце века образ США в глазах либералов сильно поблек, утратил свою привлекательность.

В течение всего XIX в. США представляли в работах чилийских идеологов либерализма как идеал, пример для подражания испаноамериканских республик Юга Америки. Несмотря на некоторое разочарование внешнеполитической линией США в отношении Мексики и Центральной Америки чилийские либералы сохраняли идеализированный образ этой страны как политической системы, обеспечивавшей социальный, экономический прогресс, гражданскую и религиозную свободу. После 1848 г. именно США заняли место Франции как «светоча» свободы и республиканизма. Наступление реакции и монархий в Европе после революций 1848 г. обеспечило США место «бастиона» республиканских доблестей, религиозной терпимости и свободы для либералов стран Латинской Америки.

XIX век был временем романтического увлечения чилийских либералов, радикалов и социалистов социальным опытом Соединенных Штатов. Позже иллюзии справедливой «либеральной империи» у чилийских политиков были развеяны агрессивным наступлением североамериканского капитала в странах континента и эгоистической империалистической внешней политикой американского государства, прежде всего в отношении ближайших соседей, Кубы, Пуэрто-Рико, Панамы. К тому же превращение либерализма в Чили в доминирующую идейно-политическую концепцию объясняло отсутствие потребности идеологов либерализма найти за пределами страны некий идеальный пример развития, образ достойный подражания. Ни Европа, ни США с конца XIX в. уже не представляли как безусловные образцы для подражания, теперь местные либералы сами создавали свою идеальную формулу общественного развития.

⁷⁵ *Arancibia Clavel P.* El pensamiento radical frente al estado y a la iglesia. 1881–1884 // *Catolicismo y laicismo. Seis estudios.* Santiago de Chile, 1981. P. 195.